

Янь Ся, выслушав, подумал, что накануне они и впрямь вели себя слишком откровенно — всю дорогу ни словом не обмолвились о сокровищах.

— Правду говорю, я скрыл кое-что, — начал Янь Ся. — Но и намерения спасти кого-то я выставлять напоказ не собирался. Не всякий захочет тащить с горы раненого. В этом я перед тобой виноват. Карту мы брать не будем.

Цзин Минхун задумался. Он-то не в накладе остался: в одиночку карабкаться в гору куда труднее, а с этими двоими, хоть и страху натерпелся, основную тяжесть они на себя взвалили. Работы ему вполтину меньше досталось. Но в их делах ему всё же хотелось поучаствовать, и потому он сказал:

— Но с этой минуты Дворец Цинпин наверняка загорится жаждой мести. Позвольте мне пока с вами переждать, а уж потом я за сокровищами отправлюсь.

Си Чжэнь всё это время молча ел, не вмешиваясь, но, услышав такие слова, нахмурился.

— Мои дела тебя не касаются.

Лицо Цзин Минхуна потемнело. Си Чжэня он недолюбливал всегда. Пусть в Храме Пяомяо и собрались сильнейшие, но достичь уровня Си Чжэня в такие годы удавалось единицам. Даже старшие поколения храма не могли с ним тягаться.

Цзин Минхун с детства постигал учение в храме, где все соперничали за лучшие доли. А потом, когда Си Чжэнь появился там десятилетним отроком, он сходу побил почти всех и был принят настоятелем в ученики «закрытых врат», разом взойдя на ту вершину, к которой другие шли годами. Казалось бы, проиграл — умеи проигрывать. Но в ту пору Си Чжэнь был ещё слишком юн, мирских дел не разумел и успел перессориться со всеми в храме. Позже он удалился в горы для совершенствования и вернулся лишь в восемнадцать, сильно переменявшись: из отрока, не ведавшего о мире людей, превратился в человека, умеющего общаться.

И в восемнадцать лет Си Чжэнь снова победил всех в храме, включая собственного наставника, достигнув в этом возрасте невысказанного мастерства. Цзин Минхун, помня детские обиды, испытывал к нему и зависть, и восхищение. Выйдя в мир, он не желал, чтобы его связывали с Храмом Пяомяо, — лишь бы не иметь ничего общего с Си Чжэнем. Хотя и понимал: тому до такого «мелкого сошка», как он, и дела нет.

Тогда-то Цзин Минхун и получил прозвище «одержимый». А Си Чжэнь к тому времени уже сдружился с молодым предводителем союза, и они часто вместе странствовали, за что их и прозвали «двойной опорой рек и озёр». Жизни их больше не пересекались, и Цзин Минхун лишь изредка слышал слухи о Си Чжэне — пока тот не исчез после пропажи предводителя союза. Потому-то, вытащив Си Чжэня из Дворца Цинпин, он и был так потрясён.

И теперь, когда Си Чжэнь его отчитал, в душе Цзин Минхуна вскипели и гнев, и горечь. Он осознал: с того самого поражения Си Чжэнь стал его внутренним демоном. Перечить он ему действительно не смел.

— Ладно, — сказал он. — После этой трапезы я уйду.

Юнь Сяо, услышав это, смутилась. Она будто хотела что-то сказать, но в конце концов промолчала. Ужин прошёл в тягостном молчании. Когда Цзин Минхун собрал вещи и уже собрался уходить, Юнь Сяо подошла к нему.

— Что, красавица, — пошутил он, — со мной по белу свету скитаться собралась?

Юнь Сяо не стала язвить, а лишь тихо сказала:

— Береги себя.

Цзин Минхун не понял, отчего она так переменялась, но с губ его невольно сорвалось:

— Обязательно.

Цзин Минхун ушёл. Юнь Сяо, погружённая в думы, застыла на месте. Янь Ся позвал её, и она, бросив взгляд в сторону скрывшегося из виду Цзин Минхуна, посмотрела туда с чувством вины.

Они купили трёх породистых коней и двинулись в земли за заставой. По пути на них нападали убийцы. Хотя те и были опытными бойцами, с Си Чжэнем им не сравниться — тот обладал почти пугающей интуицией, чуя малейшую искру убийственного намерения и мгновенно парируя удар. Дворец Цинпин потерял нескольких человек. Расправляться с ними было не так уж сложно, но из-за этих нападений путь их замедлился вдвое. Внутренние раны Си Чжэня, ещё не зажившие, от постоянных стычек стали сказываться сильнее. Янь Ся же, терзаемый сновидениями, день ото дня становился всё вялее. Так что Юнь Сяо, единственная из троих чувствовавшая себя сносно, ухаживала за ними обоими. Порой она будто собиралась что-то сказать, но слова застревали на губах. В конце концов она так ничего и не вымолвила.

Янь Ся чувствовал себя обузой. Сам вызвался помочь Си Чжэню спасти предводителя союза, а теперь только тормозит их. Он видел, что Си Чжэнь выглядит всё хуже и явно встревожен, но молчит, — и от этого чувство вины лишь росло.

Звёзды мерцали, в ушах звенел ручей, стрекотали цикады. Янь Ся понял, что снова во сне. Рядом стояла соломенная хижина. «Где это я?» — подумал он, разглядывая свои руки. Руки были детские, лет десяти. Он стоял здесь совсем один, с котомкой за спиной, и чувствовал, как в этом ребёнке клокочет печаль. Подойдя к ручью, он умылся и, глядя на отражение в воде, увидел милое детское лицо.

— Я обязательно отомщу за вас, — услышал он слова ребёнка.

Потом мальчик пошёл. Янь Ся почувствовал, как слабо его тело: сделав несколько шагов, тот уже запыхался. Но он не останавливался, шёл, пока не взошло солнце. Так продолжалось несколько дней, пока он не увидел высокую гору, покрытую густой зеленью. Шёл, пока не падал от усталости, спал, где придётся. Для ребёнка, да ещё такого хилого, это было опасно. Лоб у него уже пылал жаром, но он, должно быть, слишком был поглощён своей целью, чтобы замечать это.

Янь Ся чувствовал, как мальчик выдыхается: ноги его дрожали, походка стала нетвёрдой. Когда припасы в котомке почти кончились, он наконец добрался до подножия горы. Найдя подходящее дерево, он с трудом вскарабкался на него, обмазал ствол известью и, словно обезьянка, просидел там весь день. Проснувшись уже вечером, он сперва рассердился на себя за сон, но, едва пошевелившись, почувствовал, как тело затекло, — и чуть не свалился вниз. Янь Ся понял, что у мальчика жар, и забеспокоился, сможет ли тот слезть. Дерево было невысоким, но состояние ребёнка оставляло желать лучшего.

Мальчик медленно сползал вниз, как вдруг в горах прокатился тигриный рёв. Ребёнок вздрогнул, рука соскользнула — и он полетел вниз, напрямик в чьи-то объятия. Женщина,

поймавшая его, была невероятно красива, словно одинокая орхидея в глухом ущелье. Янь Ся видел и Юнь Сяо, и Янь Сьюань — обе были редкими красавицами, но по сравнению с этой девушкой им словно чего-то недоставало.

— Ты пришёл сюда, чтобы стать учеником? — спросила она.

— Да, — ответил мальчик. — Мою семью убили. Я должен отомстить. Мне сказали, что здесь можно научиться боевым искусствам. Я хочу стать учеником.

На прекрасном лице девушки отразилась жалость.

— Я — ученица того мастера. Но обучение требует испытаний. Сможешь ли ты их выдержать?

— Обязательно смогу.

— Однако в горах холодно, и тренироваться придётся в одиночестве. Я сама спустилась лишь за припасами. Сможет ли ребёнок вынести такое?

— Мне больше некуда идти.

Девушка вздохнула.

— Что ж, я сведу тебя к мастеру, а там уж он решит.

— Спасибо, сестра. Меня зовут Вэньжэнь Цзуй. А тебя?

— Меня зовут Цинцю Е.

— Можно я буду звать тебя Сестра Е?

Цинцю Е улыбнулась ещё теплее.

— Конечно.

Янь Ся сперва удивился: откуда в горах, где водятся тигры, такая хрупкая девушка? Но едва она назвала своё имя, как его охватил ужас. В старинных записях о чудесах он читал: «На горе Цинцю водится зверь, похожий на лису, но с девятью хвостами. Голос его подобен плачу младенца. Он пожирает людей, а съевший его не подвержен гу*». (*гу — вид яда или колдовства). Девушка, назвавшаяся Цинцю, была столь пленительна, что Янь Ся невольно заподозрил в ней оборотня-лису. Но ребёнок не выказал ни тени сомнения, и это беспокойство лишь усилилось.

Может, оттого, что тело девушки было так мягко, а может, от усталости, но Вэньжэнь Цзуй тут же заснул. Однако Янь Ся всё ощущал: что-то пушистое и неколючее обхватило его, потом его подняли, и холодный горный ветер пронизал до костей. Сердце Янь Ся упало.